

ЛИТЕРАТУРА:

1. Речь: Центральный орган партии кадетов СПб. 1906-1911 гг.
2. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.

УДК: 359(09)

Бажанов Д.А.

**РЕВОЛЮЦИОННАЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: КОНФЛИКТ
КОНЦЕПЦИЙ ДИСЦИПЛИНЫ В
МАРТЕ-ОКТЯБРЕ 1917 Г.
(на материалах 1-й бригады ли-
нейных кораблей
Балтийского флота)**

Аннотация. В статье, применяя антропологический и микроисторический подходы, на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов, рассматриваются вопросы взаимосвязи политической обстановки в стране и «революционной дисциплины» моряков Балтики. Делается вывод, что новое понимание дисциплины в марте – октябре 1917 г. приводило к конфликту с офицерским составом и снижению боеспособности флота.

Ключевые слова: революция, повседневность, 1917 год, матросы, Балтийский флот.

D. Bazhanov

REVOLUTIONARY EVERYDAY ROUTINE:
THE CONFLICT OF THE CONCEPTS OF DISCIPLINE
IN MARCH AND OCTOBER 1917 (BASED ON THE
MATERIALS OF THE 1ST BATTLESHIPS BRIGADE OF
THE BALTIC FLEET)

Abstract. In this article, using anthropological and microhistorical approaches, based on new archival material, examines the relationship of the political situation in the country and the «revolutionary discipline» of the sailors of the Baltic Sea. It is concluded that a new understanding of the discipline in March - October 1917 resulted in the conflict with the officers and reduced the combat capability of the fleet.

Key words: the revolution, everyday life, in 1917, the sailors, the Baltic Fleet.

Вооруженные силы, будучи государствен-

но-общественным институтом, отражают не только военную мощь страны, но и эффективность всех ее систем, психологию масс, ценностные ориентиры общества. В свою очередь, показателем уровня морального духа и боеспособности служит соблюдение дисциплины – порядка поведения, основанного на строгом подчинении нижестоящих лиц приказам вышестоящих, а также инструкциям, обязательным для исполнения всеми. В Российском Императорском флоте основными источниками, определявшими правила службы, являлись военно-морской устав и военно-морской устав о наказаниях. Благодаря им была оформлена и закреплена жесткая система подчинения: матрос – унтер-офицер, кондуктор – офицер. Любая попытка выйти из этих рамок наказывалась. Меры наказания варьировались от постановки в полном обмундировании на несколько часов «под винтовку» до отправки в дисциплинарные батальоны или в тюрьму. Приговоры, в зависимости от тяжести проступка или преступления, могли выноситься офицером роты, где служил виновный, командиром корабля, корабельным или военно-морским судом. Падение императорской власти вызвало к жизни необратимые изменения, в том числе и в дисциплинарной сфере.

Первый серьезный удар был нанесён событиями 1-4 марта 1917 г., когда в ходе кровавых беспорядков в Петрограде, Кронштадте, Гельсингфорсе было убито около 90 морских офицеров. Авторитет офицеров в глазах нижних чинов был поколеблен, в том числе неспособностью отстоять свои права. Этому способствовали и первые приказы нового командующего Балтийским флотом вице-адмирала А.С. Максимова. Так, 4 марта на линейных кораблях 1-й бригады получили такой семафор из штаба бригады: «Все взыскания, наложенные властью адмирала, слагаются. Максимов». За этим последовал аналогичный циркуляр от имени начальника бригады [19, 58]. Подобные меры, являвшиеся индульгенцией на всё, что произошло, убеждали экипажи в своей безнаказанности.

Важнейшую роль в этом процессе сыграло появление и функционирование выборных организаций всех уровней. В первую очередь это касается судовых комитетов. Были они созданы и на дредноутах. Первым стал «Гангут», где выборы состоялись вечером 3 марта, ночью же комитеты появились и на трёх других кораблях [27, 310; 28, 78]. В дальнейшем право наказания нижних чинов фактически закрепилось за судовыми комитетами. В арсенале командного состава остался скромный перечень наказаний: объявление выговора (командирского в приказе, офицерского – на словах) и присмотр за провинившимся на срок не более одного дня. Но даже их матрос мог обжаловать через судовой комитет [22, 5-9].

Как же использовали комитеты своё право?

Весной 1917 г. наблюдалось мало случаев, которые, так или иначе, карались. Обнаружены три, относящиеся к линкору «Севастополь». 11 апреля за неподчинение унтер-офицеру кочегарам этого корабля делегаты вынесли порицание. Через несколько дней за кражу продуктов во время погрузки на корабль матроса I статьи П. Гольбикова приговорили к аресту в карцере до передачи материалов в Секцию охраны Исполнительного Комитета Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта [18, 58]. Наконец, 19 апреля матроса И. Лазуткина за «недостойное поведение в отпуске» комитет постановил лишить на месяц права съезда на берег [18, 64].

Летом 1917 г. количество проступков в целом увеличилось. Появились новые проблемы: борьба с пьянством и опозданиями с берега. Перечисленные типы наказаний сохранились. Тяжесть наказания зависела от степени проступка, наличия рецидива. Так, матросам «Севастополя» А. Морозову и П. Титову за отсутствие на борту в положенный срок в первый раз было увеличено на 6 суток число вахт в кочегарке. Съезда на берег на 10 дней лишились опоздавшие на свои корабли 22 августа матрос «Полтавы» Г. Савельев и «Гангута» – А. Звербуль. Матросы «Севастополя» Ф. Стулов и И. Филатов, как провинившиеся вторично, остались без берега на 20 дней и заплатили штраф – по 20 финских марок каждый. Матроса Мылова «за неоднократное опоздание и побег с корабля с 15 мая по 21 июня» делегаты «Севастополя» постановили арестовать и отправить в секцию Охраны народной свободы [20, 2].

Нарушения корабельного распорядка комитеты наказывали довольно мягко. Так, 7 июня судовой комитет дредноута «Севастополь» назначил на 4 суток на «тяжелые работы» и объявил порицание матросу II статьи В. Ульянову за «сон и сидение на посту», как значилось в протоколе [19, 111]. Через несколько дней рассматривался пришедший 9 июня циркуляр из штаба флота о плохом дежурстве на берегу. Матросские делегаты с «Гангута» оставили на 2 недели без увольнений дежуривших в Гельсингфорсе 12 июня, так как они «позволили себе заходить в кофейни, не спросив у своего начальника» [8, 178]. На «Севастополе» 26 июня были наказаны недельным пребыванием на корабле матросы Кумец и Дуркин, курившие в непозволенном месте. В тот же день по поручению судового комитета приступили к изготовлению специальных табличек «регламентирующих, где можно курить и где нельзя» [19, 116-117]. К аналогичным мерам комитеты прибегали в случаях краж. 11 августа рассматривалось дело матроса «Гангута» А. Умрихина, а 16 – кочегара с «Полтавы» А. Попсуева. Оба обвинялись в кражах на своих кораблях обуви у сослуживцев. Попсуев украл у матроса I статьи Н. Лаптева ботинки, Умрихин – у сигнальщика Машкова – сапоги [7, 254; 8, 211].

Осенью увеличилось количество дел о кражах

на кораблях бригады продовольствия. 22 сентября комитет «Севастополя» разобрал дело матроса Барановского, выдававшего из кладовой сахар члену комитета I созыва и депутату Гельсингфорского Совета А. Барову. В результате Барановский был отстранен от должности кладовщика и посажен в карцер, а Баров – заплатил штраф. В тот же день комитет арестовал артельщиков 2-й и 3-й роты Белякова и Королева за воровство во время угольной погрузки куска мяса [20, 21-23]. Зафиксирован и случай, когда над вором был устроен самосуд. 29 августа к старшему врачу «Гангута» С.В. Гуткевичу явился за помощью избитый кочегар В. Румянцев. В результате проведенного затем разбирательства выяснилось, что он пытался продать украденный у матроса Сулитина бушлат. Так как его давно подозревали, он был схвачен, избит и доставлен к члену судового комитета С. Андрееву. В ходе допроса В. Румянцев сознался, что эта кража у него пятая [24, 427-430]. Осенью участилось наложение денежных штрафов. Так, комендор А. Завьялов с линейного корабля «Севастополь» в сентябре 1917 г. за долги лишился оклада на 2 месяца. Комендор В. Кузнецов с того же корабля за опоздание из отпуска на 40 суток остался без жалования на 3 месяца, а гальванер А. Семенчук за опоздание на 15 суток – на 2 месяца [20, 26-27]. Однако в этот период команды получили возможность влиять на постановления о наказаниях. Согласно данным вахтенных журналов и протоколам заседаний комитетов, с 29 июня раз в две недели на линкорах для «обсуждения общеполитических вопросов и текущих дел» проводились общие собрания [14, 15; 11, 15; 17, 23-24]. Вероятно, тем самым делегаты желали сохранить кредит доверия экипажа. Но одновременно они несколько утратили возможность правового поддержания порядка, поскольку общее собрание команды могло и не утвердить приговор. Так случилось 17 октября на «Севастополе», когда матросы отказались признать вину кочегара Г. Касперовича, оклеветавшего комендора И. Шнырика и мичмана В. Саковича в возгорании угля. Дело отправилось повторно в судовой комитет для пересмотра [20, 29].

Зато уже весной комитеты начали проводить «чистки» личного состава кораблей. Пострадали те, кто проявлял до революции строгость и требовательность, или пытался противодействовать беспорядкам. Так, на линкоре «Гангут» судовой комитет начал расследование о вине офицеров в событиях 19 октября 1915 г. В итоге депутаты выдвинули требование списания с корабля шести офицеров, наиболее, по мнению комитета, виновных. Это старший лейтенант А.И. Королёв, лейтенанты Н.Ф. Прохоров, А.Г. Хрептович, А.А. Сурандер, В.Е. Бурачек и мичман И.В. Дитерихс. На каждого из них было составлено небольшое досье, главными пунктами которого являлись отношение к событиям февраля и взаимоотношения с экипажем. На основе этих досье и

предлагалась форма наказания: Королёва рекомендовалось посадить в тюрьму, остальных – отправить в действующую армию. При этом стоит отметить, что термин «дисциплина» приобрёл ярко выраженную негативную окраску. На вопросы «отношение к подчинённым» и «как человек вне службы» в досье на старшего лейтенанта А.И. Королёва отмечено: «отношение к подчинённым в большом случае было несправедливым и дисциплинированным» и «как на службе, так и вне службы отношение к подчинённым было гордо и дисциплинарно» [23, 16]. На «Полтаве» команда потребовала списания тех офицеров, что в кровавую ночь с 3 на 4 марта отказались подчиниться экипажу и сдать оружие, за что и были заперты в своих каютах. В конечном счете, как и в случае с «Гангутом», командир «Полтавы» капитан I ранга С.В. Зарубаев 13 марта вынужден был обратиться в штаб флота со следующей просьбой: «Ходатайствую о скорейшем списании старшего офицера вверенного мне корабля капитана II ранга В.В. Котовского, лейтенанта К.И. Юдина, мичманов В.М. Карякина и Г.А. Тевяшева с зачислением их в резерв флота, как арестованных по желанию команды в ночь с 3 на 4 марта» [5, 174].

На соблюдение правил службы повлияло омоложение личного состава линейных кораблей 1-й бригады. Обусловливалось оно несколькими причинами: списаниями по состоянию здоровья, по требованиям судовых комитетов, дезертирством, увольнениями старослужащих. Вопрос о пополнениях встал ещё до революционных событий. К концу февраля 1917 г. были посланы запросы на высылку на дредноуты 394 молодых специалистов из Кронштадта и 150 новобранцев из Петрограда. Таким образом, предполагалось укомплектовать дредноуты заново примерно на 10 %. За апрель и май с линейных кораблей бригады, по данным «Флагманского исторического журнала», было списано и переведено 317 нижних чинов, а за летние месяцы – 272 [1, 133; 2, 75]. Личный состав, таким образом, обновлялся дополнительно ещё на столько же. Основным источником пополнения являлись молодые матросы и специалисты призывов 1917 и 1918 гг. Вероятно, именно эта часть экипажей готова была принять складывавшееся положение, при котором революционные организации получали право управления. Капитан II ранга И.И. Ренгартен, флаг-капитан по оперативной части штаба командующего Балтийским флотом, в дневниковой записи от 17 апреля свидетельствовал об этом так: «Новую волну разложения принесли с собой новобранцы из Кронштадта...» [21, 22].

Офицеры лишились права карать нарушения. К тому же часть из них покинула по разным соображениям корабли. Только за весну и лето оставило службу 55 офицеров. Назначали на бригаду зачастую только что выпущенных мичманов. Весной для 10 из 16 прибывших офицеров назначение было первым

[2, 58]. В середине июля начальник бригады контр-адмирал С.В. Зарубаев направил рапорт командующему Балтийским флотом. Он так охарактеризовал ситуацию: «В течение последнего времени многие офицеры-специалисты были переведены на другие корабли. Хотя убыль и пополняется своевременно офицерами..., но состав ее [бригады – Д.Б.] настолько омоложен, что дальнейший перевод опытных специалистов и замена их молодыми, по моему мнению, является недопустимой, так как бригада должна быть сначала боевой единицей, а не только школой для молодых офицеров» [3, 127]. Вновь назначенные не были известны экипажу, а значит, их авторитет был ниже. Поэтому дисциплинарный аспект всё больше выходил из компетенции командного состава. Многие требовательные унтер-офицеры либо отстранялись от управления ротами, либо вообще изгонялись с кораблей по постановлениям судовых комитетов. А институт кондукторов, игравший большую роль в обучении и поддержании дисциплины до революции, вообще был упразднён 23 мая 1917 г. [7, 106; 4, 225].

Несомненно, что определенную роль в падении дисциплины сыграли меры по изменению формы. Они задумывались как уничтожение элементов «старого режима». Но их проведение без должной координации, не всегда последовательно, на фоне возраставшего дефицита товаров и роста их цен привело к тому, что к лету 1917 г. командование не только утратило контроль над процессом, но и не получало данных об уже произведенных изменениях [6, 44]. Поэтому даже форма офицеров бригады представляла собой смесь старых и новых элементов. Особенно часто подобные факты относились к только что выпущенным офицерам и гардемаринам, прибывавшим на дредноуты для практического обучения. Так, из 13 гардемарин, прибывших 22 мая на линейный корабль «Гангут», лишь трое были обмундированы и экипированы по всем правилам, а из четырех, явившихся на «Полтаву» – ни один [7, 147; 8, 179]. Нижние чины, видя эти отклонения, тоже перестают носить положенную форму. На снимке, запечатлевшем матросов линейного корабля «Петропавловск» на митинге летом 1917 г., единообразие форм отсутствует: многие сняли с бескозырок кокарды, кто-то заменил их якорем белого металла, часть надела белые летние чехлы на свои головные уборы [30, 44]. Тем более, что с 20 мая им было разрешено ношение штатского при увольнении на берег [6, 37]. По сути, произошло нивелирование одного из атрибутов, регламентировавших службу. Исчезновение традиционной символики стирало психологическую дистанцию офицеров и нижних чинов, разрушая тем самым и систему подчинения. Стиралось отличие всех групп военных моряков, а значит, выполнялся один из лозунгов революционного процесса: «Свобода, равенство, братство!»

Важной причиной несоблюдения экипажами правил несения службы стала доступность отпуска в Гельсингфорс. До революции тяжёлым наказанием считался запрет съезда на берег, возможность попасть в город дисциплинировала матросов и поощряла их за хорошую службу. После падения царского режима крупные митинги, проводившиеся в городе, давали возможность экипажам линейных кораблей бригады сходить на берег дополнительно. Первая демонстрация в Гельсингфорсе состоялась 4 марта. Большая часть экипажей дредноутов приняла в нём участие. Во избежание эксцессов командующий флотом вице-адмирал А.И. Непенин издал приказ, разрешавший неограниченный сход на берег. Более того, офицерам также рекомендовалось принять участие [2, 44]. 16 марта значительная часть команд «Петропавловска», «Севастополя», «Полтавы» и «Гангута» находилась на митинге, устроенном в честь приезда министра юстиции А.Ф. Керенского [2, 232; 15, 233; 9, 227]. 17 марта до трети матросов бригады было уволено на берег для участия в похоронах «жертв революции», которые продолжались до обеда [19, 63]. 4 апреля в городе состоялся парад, посвящённый месяцу со дня свержения монархии. С каждого корабля в нем участвовало по 125 матросов при 3 офицерах. Все желающие, за исключением вахтенных, в этот день могли съехать на берег [10, 5-6; 12, 99]. 18 июня, в день начала наступления на юго-западном фронте, в Гельсингфорсе прошла общегородская демонстрация протеста. Приняли активное участие в ней и экипажи дредноутов. Число увольнявшихся на берег в это день, согласно данным вахтенных журналов, составило примерно 25% от команды с каждого корабля, что являлось двукратным превышением нормы [13, 98]. 21 июня состоялся новый общегородской митинг. 16 августа в Гельсингфорсе состоялся митинг протеста против решений Государственного совещания. Вечером на всех линейных кораблях 1-й бригады прошли общие собрания команд, присоединившиеся к резолюциям митинга [28, 105].

Важным фактором, сделавшим берег более доступным, стало функционирование выборных организаций всех уровней. Судовые комитеты имели право отправить с поручением в город любого матроса в любое время. Матросы-депутаты присутствовали на заседаниях Гельсингфорсского Совета. 30 апреля начал работу Центральный Комитет Балтийского флота, куда также входили представители бригады. Принимали участие члены экипажей и в съездах различных союзов (съезды моряков Балтийского флота, Крестьянского союза, различных национальных землячеств и др.). Летом масштабы съезда возросли настолько, что в радиограмме, отправленной 25 июля 1917 г. в штаб флота начальник бригады отметил: «Замечается общее небрежное отношение к обязанностям службы и падение интенсивности

занятий и работ в связи с постоянными митингами во время работ и занятий и неограниченного схода на берег» [26, 49]. Осенью 1917 г. контр-адмирал С.Н. Тимирёв, начальник 1-й бригады крейсеров, прибывшей в Гельсингфорс, отметил в воспоминаниях: «Немало способствовала быстро прогрессирующему упадку дисциплины и сама обстановка законного, заслуженного отдыха, т.е. в переводе на обыкновенный язык – полное отсутствие какого бы то ни было дела и вечное пребывание трёх четвертей команды на берегу» [29, 109].

С другой стороны, времяпровождение на берегу всё больше воспринималось как часть службы. Грань между правилами поведения на корабле и на берегу стиралась. Поэтому проступки, совершаемые во время службы и досуга, были одинаковы. Со второй половины июля резко увеличилось число пьяных в Гельсингфорсе. Поэтому Исполнительный Комитет Гельсингфорсского Совета опубликовал в «Известиях...», предупреждение, что впредь лица в нетрезвом состоянии должны задерживаться особыми патрулями и доставляться в секцию Охраны народной свободы с публикацией их имен. Уличались матросы бригады и в кражах на берегу. В августе были осуждены матросы «Петропавловска» С.П. Шакура и Д.И. Федоров. Они обвинялись в краже дамского ридикюля с деньгами в кафе госпожи Острем. Имели место и более изощрённые аферы. В сентябре рассматривалось дело машиниста «Петропавловска» И. Макарова, сдававшего внаем «хорошую комнату с альковом», причем комната ему не принадлежала. Судовой комитет ходатайствовал перед представителями секции Охраны народной свободы «о возможно более строгом наказании» [25, 97]. Матрос О. Осипов с «Севастополя» был арестован и доставлен в Гельсингфорсский Совет после поимки его во время квартирной кражи. Она являлась для него не первой [20, 16].

Таким образом, можно утверждать, что в марте-октябре 1917 г. произошли значительные изменения в дисциплинарной области. Обусловлены они были рядом причин. Главной из них явилось лишение монопольного права офицерства отдавать приказания. На протяжении 1917 г. это право всё более переходило к выборным корабельным организациям – судовым комитетам. Заняв полноправное место в корабельной иерархии, она начали «выдавливаться» из нее командный состав. Особенно этот процесс ускорился после корниловского выступления. Иногда экипаж мог и обжаловать приговор комитета, который, как мы могли убедиться, не был столь суров, как до февраля 1917 г.

Помимо этого, определенную роль сыграл призыв большого количества молодых матросов и специалистов на линейные корабли. Они легче воспринимали нововведения, для них офицер не являлся более безоговорочным начальником. От-

мена института кондукторов и демобилизация старослужащих способствовали развитию подобных убеждений.

Тесно связано с этим и уничтожение старых атрибутов службы, имевшее политическую окраску. Отсутствие четкой координации, единого плана, запаздывание в принятии окончательных решений привели к невозможности со стороны командования контролировать ход процесса. Изменение офицерской формы в соответствии с требованиями нижних чинов стирало психологическую дистанцию офицеров и нижних чинов, разрушая тем самым и систему подчинения. В свою очередь, это способствовало дальнейшему снижению авторитета офицеров, которые не смогли отстоять свои прежние знаки отличия.

Изменился, по сравнению с дореволюционным временем, и досуг экипажей. Активная политическая жизнь привела к прекращению деятельности судовых кружков. В основном культурный досуг организовывался секциями Матросского клуба. Однако большая часть свободного времени проходила у нижних чинов на митингах, в обсуждении резолюций и постановлений. При таких условиях и возросшей доступности увольнений в Гельсингфорс корабельная служба становилась не более чем придатком к берегу. Это ещё усиливало нежелание заключать себя в рамки «фронтального» быта. Грань между правилами поведения на корабле и на берегу стиралась. Поэтому проступки, совершаемые во время службы и досуга, были одинаковы.

Наметившееся противостояние двух концепций дисциплины имело двоякие последствия. С одной стороны, оно вынуждало часть офицеров просить своего перевода на другие должности, поближе к фронту. С другой стороны, стало наблюдаться снижение качества выполняемых работ и боевой подготовки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 477. Оп. 1. Д. 143.
2. РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158.
3. РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 230.
4. РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1006.
5. РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1018.
6. РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 1254.
7. РГАВМФ. Ф. 747. Оп. 1. Д. 37.
8. РГАВМФ. Ф. 751. Оп. 1. Д. 95.
9. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 1.
10. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 2.
11. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 3.
12. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 10.
13. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 11.
14. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 12.
15. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 15.
16. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 16.
17. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 17.
18. РГАВМФ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 141.

19. РГАВМФ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 148.
20. РГАВМФ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 151.
21. РГАВМФ. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 200.
22. РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 102.
23. РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 245.
24. РГАВМФ. Ф. р-224. Оп. 1. Д. 1.
25. РГАВМФ. Ф. р-852. Оп. 1. Д. 1.
26. РГАВМФ. Ф. р-852. Оп. 1. Д. 12.
27. Граф Г.К. На «Новике». СПб., 1997.
28. Иванов Д.И. Я – матрос «Гангута»! М., 1987.
29. Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998.
30. Колоницкий Б.И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001.

РАЗДЕЛ 3 НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 37.01131-051

Ялозина Е.А.

МНОГОКАНАЛЬНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ В ГОДЫ НЭПа КАК АНТИКРИЗИСНАЯ МЕРА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОПРОСА*

Аннотация. Статья посвящена проблеме финансирования советской школы в 1920-е гг. Автор рассматривает механизм формирования системы местных бюджетов, их участие в материально-техническом обеспечении школы. Показаны структура и процесс привлечения внебюджетных средств, направленных на поддержку школы. Источниковой базой исследования являются архивные документы, впервые вводимые в научный оборот.

Ключевые слова: советская школа, финансирование школьной системы, местный бюджет, внебюджетное финансирование, средства населения.

E. Yalozina
MULTICHANNEL FINANCING OF THE SOVIET
SCHOOL IN TIMES OF THE NEW ECONOMIC POLICY

* © Е.А. Ялозина